

18+

Дмитрий Гридин
ФАРГОТОФ

Дмитрий Гридин

Фаргофф

«Издательские решения»

Гридин Д.

Фарготоф / Д. Гридин — «Издательские решения»,

В этой книге представлена очередная повесть режиссера и журналиста Дмитрия Гридина. Произведение написано в жанре фэнтези и рассказывает о судьбе человека по имени Амид Фарготоф, в котором внимательный читатель может увидеть самого автора. Повесть изначально создавалась как сценарий для фильма, но его осуществление было отложено автором до лучших времен. Захватывающий сюжет, яркие описания, юмор, собственная философия и специфический язык — всё это, уверены, найдет отклик у любителей жанра.

© Гридин Д.

© Издательские решения

Фарготоф

Дмитрий Гридин

Дорогие друзья!

Добро пожаловать в мир «Фарготоф», где любовь — это не просто чувство, а настоящая магия, способная изменять реальность! Здесь вас ждут удивительные существа, захватывающие приключения и персонажи, которые могут напомнить вам ваших близких (тех, кто всегда забывает отключить утюг, а то и пичкает манником, выдавая его за Наполеон).

Не дайте себя обмануть — это не просто сказка, это история, где каждое мгновение пропитано нежностью, как бабушкины пирожки ароматом корицы. Воспоминания и мечты тут переплетаются с фантастическими деталями, создавая яркую картину, где любовь сияет, как звезда в ночном небе.

Вы встретите персонажей, которые могут отражать ваши собственные чувства, с надеждами и, даже, страхами. Как говорил один мудрец, «фантастика — это реальность, приправленная волшебством и щедрой порцией любви».

Пристегнитесь, крепче держитесь за свои мечты и готовьтесь к захватывающему путешествию в «Фарготоф», где любовь, надежда и вера — это ключ к пониманию мира, а каждый поворот сюжета может привести к неожиданному открытию!

Приятного чтения!

© Дмитрий Гридин, 2026

ISBN 978-5-0069-8009-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

Амид Фарготоф — человек, рожденный ветром, но не тем легким, который просто шуршит листьями, а таким, что шепчет остроты с облаками и бросает вызовы грозам. Его душа, как неугомонная птица, жаждала просторов, а глаза впитывали горизонты, словно губка, которая забывает, что ее основное предназначение — впитывать воду. Он искал не просто новые земли, а отражение Её в каждом закате, в каждой горной вершине и в каждом плеске волны, где, казалось, сам океан шептал: «Эй, посмотри, как она прекрасна!»

Она была, как утренняя звезда, способная осветить даже самые мрачные мысли о том, что на завтрак сегодня не будет яиц Бенедикт. Амид, не имея понятия о том, кто Она на самом деле, как путник носил в своем рюкзаке неведомый образ, стучащийся в его сердце, словно хулиган в дверь, требуя внимания.

Его путешествия напоминали симфонию стихий, где бури шептали её имя, а тихие гавани напоминали о её объятиях, будто бы они записались в кружок по саморазвитию. Он странствовал по землям, где солнце плавilo камни, как чаша с супом в руках неумелого повара, и по ледяным просторам, где дыхание превращалось в хрустальные цветы, которые, к сожалению, не пахли.

Но в каждом новом месте он видел лишь бледную тень Её красоты, как если бы кто-то попытался написать картину с закрытыми глазами. Он слышал эхо Её смеха — и это эхо было как звук, когда кто-то пытается поймать бабочку, но вместо этого ловит только комаров.

Однажды, в древнем городе, где стены были исписаны письменами звезд, как если бы кто-то решил устроить художественную выставку на стенах, он встретил мудреца, который выглядел так, будто пришел с другой планеты. «Ты ищешь то, что всегда было в тебе, — произнес он с серьезностью, как будто только что открыл секрет вечного счастья, — Она — это компас, указывающий путь к твоей собственной душе». Эти слова пронзили Амида, как молния, которая внезапно решила, что она — это не просто электричество, а целая дискотека в его голове.

Амид понял, что путешествовал не от Неё, а к Ней, к тому свету, который Она зажгла в его сердце. И вот он повернул обратно, не к точке на карте, а к источнику своей любви, как если бы карта показывала только одну дорогу — к мишленовскому кабаку, где подают лучшие угощения. Он осознал, что истинное путешествие — это не покорение мира, а открытие себя, как если бы он наконец-то нашел ту самую пару носков, которая всегда терялась в стирке. Как, если бы... Да.

И когда его возвращение стало не концом странствий, а началом новой главы, написанной любовью и светом, в его душе созрела решимость, подобная зерну, проросшему сквозь толщу камня. Амид знал, что его Она — не призрак прошлого, а живой маяк будущего, который, увы, иногда мигает, как старая неоновая вывеска. Тррррщ... Хрррррщ.

Он должен был вернуться, чтобы разделить с Ней не только тихие гавани воспоминаний, но и бурные океаны грядущего. Дорога к Ней оказалась настоящим приключением: каждый шаг подстегивал его фантазию, а встреченные прохожие словно подмигивали, готовые стать его сотрапезниками в поисках идеального завтрака (или хотя бы ужина). И вот, мир открылся перед ним новыми глазами — глазами, которые, как свежие линзы, замечали красоту в каждом мгновении, даже в каплях дождя, которые упорно пытались остаться на его щеке, как будто шептали: «Не спеши, наслаждайся!»

Она жила в нём, как свет живёт в воде, как эхо живёт в забытых колокольнях. Он пил закаты, будто это — её губы, а по утрам собирал росу с её ресниц. Мир становился прозрачным от любви. Горы склонялись, узнавая молитву. Реки замедляли бег, чтобы послушать, как бьётся сердце, называя только Её. Мир стал для него огромным тихим храмом, где каждая птица пела свою лучшую песню. Он пил светило, как вино из её ладоней, и засыпал, прижавшись щекой к её отсутствию.

«Любовь — это не обладание, а созерцание», — вспоминал он слова мудреца, и это откровение наполняло его сердце тихой радостью. Когда он, наконец, увидел Её, сидящую на лавке в одном из странноприимных домов, время словно замерло. Она сидела спиной к нему. Её темные волосы, ниспадающие волной до самой поясницы, казались сотканными из ночной тьмы. В комнате витал легкий аромат ладана и чего-то неуловимо знакомого, родного. Он ощущал, как внутри него что-то перевернулось, словно шестеренки древнего механизма, запущенного наконец в движение.

«Я ждала тебя», — тихо произнесла Она, не оборачиваясь. Голос ее был похож на шелест ветра в кронах деревьев, полный тоски и надежды. Амид почувствовал, как по спине побежали мурашки. Он медленно приблизился, каждый шаг отдавался гулким эхом в его сердце.

Когда он оказался рядом, Она повернулась, и время, похоже, решило сделать паузу, чтобы оценить «картину». Её глаза, глубокие как бездонные омуты, смотрели на него с такой грустью и нежностью, что у Амида возникло ощущение, будто он попал в библиотеку, где все книги написаны о личных драмах и тайных желаниях, а сам он — главный герой, потерянный кот, ищущий свой уютный уголок.

«Ты — тот, кого я видела во снах», — прошептала Она, и в её голосе была такая вера, что у Амида перехватило дыхание, а сердце запрыгало, словно дельфин, решивший устроить танцы под водой. Их первый разговор напоминал психотерапевтическое реалити-шоу: за каждое слово можно было бы получить очки.

Каждое слово и прикосновение связывали их всё крепче, как супер-клей, готовый склеить даже самые разбитые сердца. Амид чувствовал, как Она понимает его с полуслова и принимает все его странные привычки.

К рассвету они поняли, что обречены друг на друга. Их души, долго блуждавшие в одиночестве, наконец-то нашли свой дом. В жарких объятиях они забыли обо всём, погрузившись в океан любви, бесконечный как список сериалов на Netflix. И Амид осознал, что нашёл не просто женщину, а свою судьбу, с которой можно делить не только утренний кофе, но и всё остальное.

2.

Их дом наполнился смехом, детским лепетом и, конечно же, небольшим хаосом, будто каждый день там взрывалась фабрика по производству конфет. Амид, с вечно взъерошенными волосами и горящими глазами, теперь не только писал о важных вещах, но и плел косички (не всегда удачно, признаться) своим принцессам, целовал их розовые пяточки. Она, с её заразительным смехом и неугасаемой энергией, умудрялась вдохновлять Амида на новые проекты, создавать уют в доме и воспитывать очаровательных девочек, которые, казалось, уже с пеленок знали, как использовать «папин талант» в своих интересах.

В этом они находили счастье. Каждый день был как новая страница книги, полная неожиданных поворотов сюжета — от случайных танцев на кухне до обсуждения, кто из них лучше умеет делать фондю. И в конце концов, когда вечер опускался, они вновь утыкались друг в друга.

Каждый день в их доме был похож на маленький праздник. Амид, вернувшись с работы, с головой окунался в игры с дочками. То он был злобным драконом, которого нужно победить, то отважным рыцарем, спасающим принцесс из высокой башни, построенной из подушек.

Амид и Она создали свой собственный маленький мир, наполненный любовью, смехом и бесконечной радостью. И кто знает, может быть, когда-нибудь их дочки напишут книгу об этой удивительной истории любви! Ведь у них есть все задатки: талант, вдохновение и, конечно же, яркий пример перед глазами.

Так они прожили лет пятнадцать (кто считал, когда жизнь полна радости и света?). А потом, как будто кто-то выдернул штепсель из розетки — бац! — и свет вдруг померк. Словно кто-то решил, что их жизнь — это не лирический мюзикл, а мрачный фильм ужасов, где главный герой теряет всё. Каждый её холодный взгляд был как удар ножом, острым, словно лезвие повара на кухне, когда ты пытаешься нарезать лук и в конечном итоге оказываешься в слезах. Каждое отстраненное слово резало его сердце, как если бы оно было тонким слоем теста, и он искал, где же он допустил ошибку. Перебирал в памяти моменты их совместной жизни, словно старые фотографии, на которых все улыбаются, ища трещину, с которой началось разрушение. И находил лишь тепло и любовь, как будто они были давно забытыми сувенирами из отпуска.

Он вспоминал их первые свидания — робкие прикосновения и застенчивые улыбки, словно они были героями романтической комедии с обязательным хэппи-эндом. Как они вме-

сте строили дом и радовались рождению дочерей, как два безумца, наполняя жизнь смехом, который теперь звучал только в его воспоминаниях, как эхо из заброшенного зоопарка.

Ночи стали бесконечными. Он лежал в темноте, слушая её нервное дыхание и чувствуя себя одиноким, как последний динозавр на планете. Хотелось протянуть руку, коснуться волос и почувствовать тепло, но страх отталкивал — как будто он боялся услышать холодное «не надо» или увидеть в её глазах пустоту, как в заброшенном доме, где когда-то кипела жизнь.

И Амид плакал — о потерянной любви, о разрушенных надеждах, о прошлом, которое уже не вернуть. Он плакал, как ребенок, потерявший самую дорогую игрушку, только вместо игрушки у него была целая вселенная, которая теперь казалась такой же недоступной, как последний кусочек трюфельного сыра на вечеринке.

Черно-белые кадры. Однажды вечером он зашёл в их любимое кафе, словно в театр, где все роли уже распределены. Амид поставил на стол два кофе: один — чёрный, как ночь, в которой он теперь жил, а второй — с миндальным молоком и двойной ванилью. Её кофе. То самое, которое Она всегда называла «твоим объятием». Он аккуратно повернул чашку ручкой к пустому стулу, как делал это последние дни, будто надеялся, что она появится и скажет: «Привет, любимый!».

Вокруг шумел мир, которому всё было до лампочки. Люди смеялись, целовались и строили планы, как будто у них не было разбитых мечт. А он сидел среди них — живой труп в дорогом пальто, с глазами, горящими, как хороший виски, но без слёз. Осталась только сухая боль, как пустыня, где даже кактусы и игуаны уже сдались.

Он смотрел на пустой стул и едва слышно шептал: — Ты опаздываешь, любимая... Ты всегда опаздывала. Голос дрогнул, как когда пытаешься спеть под душем, и вместо этого получается только хрип и глухое бульканье.

В голове снова прокручивался последний вечер, как старое кино. Она смеялась, целуя его в висок, и говорила: «Подожди меня, я быстро». Он ответил: «Я всегда буду ждать». И вот он ждал, как собака, которая не понимает, почему её не кормят.

Закрыв глаза, он вырвал из груди звук, от которого у официантки задрожали руки. Это был не плач — это было что-то гораздо страшнее. Он наклонился вперёд и впервые коснулся её чашки, проводя дрожащими пальцами по холодному фарфору, как будто гладил её щеку. Сердце забило в ритме старой мелодии, которую он не мог забыть: «**Non, je ne regrette rien**»... Титры жирные, но песня постная. Хорошая...

Слёзы, которые, казалось, уже иссякли, вновь хлынули так сильно, что он почти задохнулся. Они текли по щекам, капали в его кофе, в её нетронутую чашку, как дождь в засушливый день, наполняя кофе ароматом горечи. Он опустил голову на стол между двумя чашками, и его тело сотрясалось от беззвучных рыданий.

Смех вокруг постепенно затих. Люди оборачивались, кто-то шептал, кто-то вытирал глаза, словно каждый осознал, что их сердца тоже могут разбиться. А Амид продолжал шептать в пустоту, разбиваясь на миллион осколков: — Я люблю тебя...

Но отвечала ему только холодная, равнодушная тишина. Две чашки кофе — одна пустая, другая остывшая — стояли на столе, как два надгробия на могиле их любви, пока мир продолжал вращаться, не замечая, что однажды здесь царила настоящая жизнь...

Время шло, боль постепенно утихала, но шрам в сердце оставался. Амид учился жить заново, один. Он начал заниматься тем, что они любили делать вместе — рисовать, путешествовать, читать. В каждом новом дне он искал ее отголоски, ее присутствие. Фарготоф знал, что Она всегда будет жить в его сердце, в его воспоминаниях, в каждом рассвете и в каждой песне. И, может быть, когда-нибудь, он снова будет счастлив.

Затемнение. Мы видим в цвете, как Амид Фарготоф сходит по трапу на родную землю, но попадает совершенно в другой мир. Всё здесь ему кажется одновременно и знакомым и чуждым. Неосознанно он шарит по карманам и достает плоский портсигар. Открыв его, Амид достает сигариллу, скрученную из очень тонкого листа с мелким, бисерным шрифтом.

Сердце его замирает. Буквы пляшут перед глазами, складываясь в немыслимые слова, которые, тем не менее, отзываются где-то глубоко внутри, словно давно забытая мелодия. Он подносит сигариллу к губам, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. В воздухе повисает напряжение, словно перед грозой.

Амид делает глубокий вдох и с эффектом замедленной съемки, мысли уносят его в далекое детство. Он вспоминает себя маленьким мальчиком, сидящим на полу в комнате, окруженный книгами, которые были его личными защитниками от скучных уроков математики и

балбесов-одноклассников. В этих рощах, затерянных среди страниц, он находил утешение и вдохновение, как коты находят теплые места на солнце. Он всегда был ранимым и чувствительным к окружающему миру, который порой казался ему странным, как мир сновидений, где единороги продавали мороженое, а киты летали по небу. Подолгу сидя на старом диване с красными подушками (по мнению мамы модными), он держал в руках отцовский фотоаппарат, как драгоценный артефакт. С его помощью он пытался запечатлеть моменты, которые казались ему важными, как строки из Евангелия. Каждый кадр был маленькой историей о счастье и любви, как если бы он снимал трейлеры к фильмам о своей жизни. Он мечтал стать хорошим фотографом, чтобы показать миру свои уникальные взгляды на людей и их чувства, даже если иногда это выглядело так, будто он вёл интервью с инопланетянами. А литература! Сочиняя рассказы и сценарии, он погружался в миры, которые создавал сам, как волшебник, ищущий секретный рецепт заклинания «Убери свои проблемы». В воображении разворачивались увлекательные сюжеты, полные приключений, а персонажи становились его друзьями, которые никогда не забывали его день рождения (в отличие от некоторых людей). Он мечтал, что его истории будут читать миллионы, заставляя смеяться, плакать и заказывать доставку еды, чтобы не отвлекаться от чтения. Но вот, стоя в этом незнакомом и знакомом месте, Амид понимает, что воспоминания — настоящие кирпичики, из которых складывается его личность. Словно архитектор, он строит крепость из воспоминаний, даже если кирпичики выглядят немного криво. Его ранимость иногда приносила боль: одноклассники смеялись над увлечениями, как будто он пытался объяснить, почему йогурт с кусочками киви — это лучше, чем просто йогурт. Но он продолжал творить, искал утешение в литературе, как в старом фильме, где главный герой всегда выигрывает. Каждый фильм, каждая книга помогали ему найти себя в этом мире, который казался слишком большим и странным. И в этом поиске он нашёл не только себя, но и ту магию, которая всегда была рядом — нужно было лишь открыть глаза и позволить воспоминаниям всплыть на поверхность, как блестящие пузырьки в газировке. Пш-пш-ш...

Чиркнув спичкой о шершавую поверхность коробка, Амид прикуривает, вспоминая свои ежедневные обещания бросить. Дым, густой и ароматный, наполняет легкие, и мир вокруг начинает расплываться, теряя четкость. Слова на сигарилле вспыхивают ярче, складываясь в целые предложения, рассказывающие о судьбе, о выборе и о цене, которую придется заплатить. Он затягивается еще раз, и реальность окончательно отступает, уступая место потоку образов и ощущений. В голове Амида проносятся картины: древние города, возведенные из черного камня, леса, где деревья шепчутся на неведомом языке, лица, полные мудрости и скорби. Он видит себя, но в тысяче разных обликов, проживающего тысячи жизней. Каждая затяжка — это новая глава, новая судьба, новая боль

Он понимает, что этот мир — это не просто новое место, это отражение его души, его страхов и надежд, его самых сокровенных желаний..

В голове Амида проносятся картины: древние города, возведенные из черного камня, леса, где деревья шепчутся на неведомом языке, лица, полные мудрости и скорби. Он видит себя, но в тысяче разных обликов, проживающего тысячи жизней. Каждая затяжка — это новая глава, новая судьба, новая боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.